

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Адмирал Павел Васильевич Чичагов

Автор: В. А. Юлин

Юлин Владимир Алексеевич - кандидат экономических наук.

Когда говорят об адмирале П.В. Чичагове, то обычно связывают с его именем неудачу с пленением Наполеона при его переправе через Березину и как следствие этого - "срыв" победоносного окончания Отечественной войны 1812 года. Настала пора отказаться от старых стереотипов и разобраться в истинных причинах, побудивших современников адмирала, а также историков, в том числе и некоторых современных, отнестись к нему столь предвзято. Почему этот умный, способный, блестяще образованный человек, всю жизнь стремившийся с честью служить Родине, в конце концов оказался вынужден покинуть ее пределы, а его имя, по сути дела, было предано забвению. Правнук адмирала, Леонид Михайлович Чичагов, приложивший немало сил для восстановления доброго имени своего знаменитого предка, писал, что при ближайшем рассмотрении "многие личности, несправедливо навлекшие на себя негодование или презрение потомства, окажутся вовсе не столь темными и гнусными, какими мы привыкли считать их по наследственным традициям, и, наоборот, личности, особенно превознесенные и излюбленные, далеко не заслуживающими ни сочувствия, ни уважения потомства".

Павел Васильевич Чичагов родился в 1767 г. в семье капитана Российского флота Василия Яковлевича Чичагова, выходца из небогатых дворян Костромской губернии, ставшего в период царствования Екатерины II знаменитым флотоводцем. "Я родился 27 июня - в день Полтавской битвы, что уже само по себе было добрым знаком", - напишет он потом в своих мемуарах.¹ Семья Чичаговых жила в то время в Коломне, одном из заболоченных районов Петербурга между реками Мойкой и Фонтанкой, где ютились семьи моряков и рабочих с верфей, а также чиновных людей с небольшим достатком.

Характер юного Павла формировался под влиянием его родителей. Вспоминая о них, он писал: "Жизнь отца моего была... неразлучно связана с моею в течение сорока лет: я не только почти постоянно жил с ним, но имел счастье служить под его начальством до 30 лет. Таким образом, я имел перед глазами прекраснейший образец добродетелей гражданских, чувств благороднейших, твердости и независимости характера, столь редких в некоторых странах". "Матушка была женщина здравомыслящая и рассудительная и, как природная саксонка, передала мне, как я думаю, тот, свойственный этому племени, дух независимости, который я навсегда в себе сохранил"². Как отмечал Л.М. Чичагов в предисловии к упомянутым выше мемуарам, "дух

все превратности судьбы не покидали его и до самой смерти"³.

Он рос "живым по натуре, восприимчивым, впечатлительным", но в то же время "был менее сдержан, нежели его отец". Он не скрывал своего превосходства перед менее образованными сверстниками и порой допускал колкости и насмешки в их адрес. Школьная программа была пройдена Павлом за два года вместо четырех. К 14-ти годам он уже освоил все науки, которые преподавались в русских школах, и его отец просто не знал, что с ним делать дальше. Было решено продолжить его образование дома с репетиторами. "Склонность к точным наукам с применением их к механике", углубленному изучению математики и навигации, а также рассказы отца о морских походах, "желание следовать по тому же самому поприщу, что и его отец, и надежда не разлучаться с ним" - все это решило выбор Павлом профессии моряка.

Однако, военную службу он начинает гвардии сержантом в 1779 году. В 1782 г. он был произведен в поручики. К этому времени его отец, назначенный командиром эскадры, направлявшейся в Ливорно, счел его готовым к началу морской службы. С разрешения императрицы адмирал Чичагов зачисляет сына Павла в штат эскадры на должность адъютанта. Во время плавания до Ливорно и обратно корабль "Царь Константин", на котором находился Павел, заходил в Копенгаген, английский порт Диль и Лиссабон, Англия произвела на него неизгладимое впечатление. По свидетельству Л.М. Чичагова, "в первом своем путешествии в чужие края он (Павел Чичагов. - В. Ю.) невольно заметил сколько мало еще в России благоустройства и, в особенности, во флоте. Самолюбие его, как русского человека, страдало; он хотел во что бы то ни стало учиться и привезти с собой в Отечество необходимые познания"⁴.

В 1783 г. Павел Чичагов становится генерал-адъютантом при адмирале Чичагове. К этому времени он уже был признанным боевым офицером и Георгиевским кавалером, отличившимся в трех важнейших сражениях со шведами - Эландском, Ревельском и Выборгском, где ему довелось командовать кораблем "Ретвизан". Императрица Екатерина пожаловала ему золотую шпагу с надписью "За храбрость". А за "доставленное Императрице известие о победе над шведским флотом в Выборгской губе" в 1790 г. он был произведен в капитаны 1-го ранга. "Ему было тогда всего 22 года и, небольшого роста с женоподобным лицом, он казался совершенным мальчиком", - писал Л.М. Чичагов. "Не будем входить в разбор тех заслуг, за которые он был награжден: без сомнения Императрица, желая сделать приятное его отцу, наградила сына щедрой рукой". И далее: "тут впервые юноша заметил, что товарищи ему завидуют, смотрят на него как на баловня счастья, злословят его и ценят его не по достоинству. Зависть офицеров оскорбляла молодого Чичагова и это гнусное чувство он заметил в А.С. Шишкове, состоявшем при Василии Яковлевиче (Чичагове)" адъютантом⁵. Об отношении к нему со стороны Шишкова Павел Чичагов рассказал отцу, предложив послать завистника со следующим донесением о победе к императрице, дабы рассеять неприязнь Шишкова. Так и поступили, но этот шаг отнюдь не образумил Шишкова, который сыграет далеко не последнюю роль в кампании интриг против Павла Васильевича.

А тем временем Павла Чичагова все больше занимала мысль познакомиться непосредственно с иностранным передовым опытом в морском деле с целью его внедрения в практику российского флота и повышения его эффективности. В 1792 г. адмирал Чичагов решил командировать Павла в Англию. Он, видимо, считал

желательным отправить его хотя бы на время подальше от себя из-за сплетен об отцовской протекции сыну по службе. Получив соответствующее разрешение императрицы, он снарядил в эту поездку двух своих сыновей - Павла и Василия в сопровождении их учителя, профессора математики из Артиллерийского кадетского корпуса, в прошлом офицера, артиллериста Гурьева.

стр. 51

В Англии они находились в 1792-1793 годах. Целью поездки была своеобразная стажировка "для довершения практических морских примечаний". Не стесняясь возраста и высокого чина, братья Чичаговы и Гурьев поступили в английские школы. Однако, их постигло глубокое разочарование тем, что "они не нашли в научных книгах ничего нового; это только доказывало..., что они у себя дома, занимаясь по переводным книгам, ушли столь далеко". Об этом своем разочаровании Павел со свойственной ему прямоотой сказал посланнику России в Лондоне графу Семену Романовичу Воронцову: "Последний офицер нашего флота, по-моему, знает более того, что я нашел в английских книгах". На это Воронцов ответил, что, по его мнению, "последний прапорщик английского флота знает более русского адмирала". Павел воспринял эти слова как незаслуженную обиду, поскольку, во-первых, Воронцов знал, что Павел - сын адмирала, и, во-вторых, Павел посчитал, что Воронцов унижил достоинства российского моряка. Обиженный Павел не сдержался и ответил резкостью: "Может быть, граф, это правдоподобно в отношении практиков, хотя это надобно еще проверить" ⁶ . Воронцов счел слова Павла дерзостью, послужившей поводом для его неприязненного отношения.

Чтобы поездка в Англию принесла им пользу, братья Чичаговы и Гурьев стали усердно изучать английский язык, старались вникнуть в тонкости постановки морского дела в Англии. Для практического знакомства с навыками англичан в мореплавании они простыми матросами отплыли на английском военном корабле в Америку. Однако, это путешествие было недолгим, и им пришлось вернуться в Лондон, а затем они сухим путем через Голландию, где познакомились с голландским опытом в морском деле, отправились домой в Россию.

В 1793 - 1794 гг. Павел командует кораблем "София- Магдалина", курсирующим в составе эскадры вице-адмирала Мусина-Пушкина на Балтике. Опыт, накопленный им за время службы на флоте, позволил капитану Чичагову перестроить порядки на собственном корабле "на английский лад", сделав этот корабль одним из лучших во флоте.

События, связанные с Французской революцией, привели к сближению России с Англией. В 1794 г. в Англию была послана вспомогательная эскадра вице-адмирала П. И. Ханькова. В походе этой эскадры участвовал со своим кораблем и П.В. Чичагов. По прибытии русской эскадры в английский порт Дюны произошло "недоразумение", связанное с соблюдением правил морского протокола. Заметив стоящий на рейде корабль под флагом равного по рангу английского вице-адмирала Пэна, Ханьков распорядился произвести салют пушечными выстрелами, но в ответ англичане отсалютовали на два выстрела меньше. Был вызван в порт посланник Воронцов, который попытался уладить возникший скандал, представив его как

досадное недоразумение, и "принялся весьма вяло поддерживать русских". Павел Васильевич, считая непозволительным для кого бы то ни было оскорблять честь русского флага, стал с негодованием укорять Воронцова и предложил Ханыкову "дозволить ему идти с кораблем⁷ или одному лично, чтобы принудить английского адмирала вернуть два выстрела". Эти слова Павла были восприняты Воронцовым с восхищением. Он понял, что Павел Васильевич - это не только настоящий профессионал, знающий до тонкостей морское дело (в частности, морской протокол), но и истинный патриот своей страны, готовый стать на защиту ее чести и флага. По словам Л.М. Чичагова, "с этой минуты С.Р. Воронцов полюбил его от всей души и впоследствии стал его нежнейшим другом. Павел Васильевич никогда не величал его иначе как "мой отец", а граф Воронцов называл его "сыном"⁸.

В Чатамском порту, где корабль Чичагова дооборудовался с учетом принятых в Англии стандартов (обшивка корпуса медью, установка парусов усовершенствованной конструкции), он познакомился с начальником порта капитаном Чарльзом Проби. У Проби была дочь Элизабет, в которую Чичагов влюбился, буквально, с первого взгляда и предложил ей выйти за него замуж. Однако, отец невесты, признавая достоинства русского моряка, не дал согла-

стр. 52

сия на этот брак, т.к. категорически возражал против перехода дочери в православную веру⁹. "До глубины души огорченный, Павел Васильевич возвратился в Россию, унося с собой неизгладимое воспоминание о своей первой (и последней) любви и отрадную надежду на осуществление заветной мечты быть ее супругом"¹⁰.

В 1796 г. по случаю воцарения императора Павла Первого Чичагов, как и многие другие офицеры, получил повышение в чине. Он был произведен в капитаны бригадирского ранга. Летом 1797 г., когда император Павел возглавил учебное плавание, Чичагов командовал кораблем "Ростислав" и за проявленное им старание был награжден шпагой с орденом Св. Анны на эфесе. Однако, вскоре стало ясно, что это не предвещало ничего хорошего. Начатая Павлом I кампания по изгнанию тех, кто верой и правдой служил императрице Екатерине, непосредственно затронула и Чичагова. Он был отстранен от службы без пенсии "по молодости лет" с повелением отправиться на жительство к отцу в деревню. Там он узнал о том, что отец его английской невесты скончался и ничто больше не препятствует их браку. Но, чтобы отправиться в Англию для женитьбы, требовалось получить разрешение монарха. На просьбу Чичагова об отпуске для поездки в Англию Павел I ответил отказом в откровенно вызывающей форме: "Император находит, в России настолько достаточно девиц, что нет надобности ехать искать их в Англию"¹¹. Чичагова выручил граф Воронцов, который через свои связи в правящих кругах Англии сумел довести до сведения императора Павла желание лондонского кабинета видеть П.В. Чичагова представителем русского флота в союзных военно-морских силах. Павел I милостиво согласился на брак Чичагова с англичанкой, но обусловил свое согласие его немедленным возвращением на службу с пожалованием Чичагова в контр-адмирала и назначением флагманом в Балтийский флот.

Успеху флагмана помешал давний недоброжелатель Чичаговых и мастер придворной

интриги Кушалев, бывший мичманом у В.Я. Чичагова и ставший во главе флота при Павле I. Он оклеветал П.В. Чичагова перед императором, дав понять, что Чичагов якобы намерен использовать свой брак с англичанкой для того, чтобы уехать из России и перейти на сторону англичан. Взбешенный император немедленно лишил Чичагова орденов, приказал снять с него мундир и посадить в Петропавловскую крепость. По словам Л.М. Чичагова, "флигель-адъютанты бросились на адмирала как на зверя и с необыкновенной быстротой раздели его. Павел Васильевич не терял присутствия духа и, соображая, что император может, наконец, дойти до последней степени наказания и послать его в Сибирь, вспомнил, что ему будут необходимы деньги, и громко, с достоинством обратился к одному из флигель- адъютантов с просьбой вернуть ему бумажник, оставшийся в мундире. Это хладнокровие до того поразило услужливых адъютантов, что они остолбенели и смутились; один из них только решился ответить, что они доставят ему бумажник" ¹² . Находясь в заключении в Петропавловской крепости, Павел Васильевич заболел горячкой и едва не умер. Лишь благодаря вмешательству Петербургского генерал-губернатора графа фон-дер-Палена удалось урезонить императора и Чичагов был освобожден и восстановлен в звании и всех правах. Указ от 2 июля 1799 г. предписывал освободить Павла Васильевича из крепости и доставить к Кушелеву в Петергоф для получения назначения командующим эскадрой, перед которой была поставлена задача высадить десант русских войск в Голландии, изгнать французов и восстановить там династию принцев Оранских.

28 августа 1799 г. эскадра Чичагова вышла к параллели о. Тексель, где совместными действиями русских солдат и союзников- англичан остров был освобожден от французов. Эскадре Чичагова было приказано отправиться в Англию, чтобы взять на борт дополнительный отряд англичан и высадить его на голландский берег для завершения совместной русско-английской операции. За успешно проведенную десантную операцию Павел Васильевич был награжден орденом Св. Анны I степени.

стр. 53

Император Павел уже не возражал против женитьбы Чичагова на англичанке. В ноябре 1799 г. в Англии состоялось его бракосочетание с Элизабет Проби, в дальнейшем известной в России как Елизавета Карловна Чичагова. Посаженным отцом на церемонии бракосочетания был С.Р. Воронцов. 6 июля 1800 г. молодая чета Чичаговых отправилась из Англии в Россию на борту корабля "Ретвизан". По прибытии в Россию они поселились в Кронштадте, где 24 сентября 1800 г. родилась их первая дочь Аделаида. Вторая дочь Юлия родилась в 1802 г. в Санкт-Петербурге. Там же в 1807 г. родилась и третья дочь Екатерина. Петербургский климат неблагоприятно сказывался на состоянии здоровья Елизаветы Карловны, которая страдала астмой и тяжело переносила периоды обострения этой унаследованной от отца болезни. К постоянной озабоченности Павла Васильевича состоянием здоровья жены добавлялись неприятности, которые чинили его недоброжелатели. ".. Уже в царствование Павла I старались современники запятнать скромного бригадира Чичагова, который больше жил в отставке, сидел в крепости и затем на несколько часов возводился в чин контр-адмирала, чем служил и кому бы то ни было мешал. Почему, спросят меня, его не любили?" - задавался вопросом Л.М. Чичагов и сам же отвечал на него. - "По простой причине: всякий сознавал, что он был очень умен и образован; что при первой надобности в дельном начальнике, его вызовут из

деревни, выпустят из каземата и посадят на первое место; эта боязнь заставляла всех сослуживцев не любить и опасаться его. Ни в одних записках нельзя найти указания, чтобы Павел Васильевич сделал кому-либо зло; а многие его хулят и осуждают"¹³ .

Сменивший на престоле императора Павла его сын Александр I приблизил к себе Чичагова, оценив его профессионализм, высокую образованность и верность. Царь ввел Чичагова в состав своей свиты, назначил начальником Военной по флоту канцелярии, которая вскоре была преобразована в министерство морских сил. В ноябре 1802 г. ему присваивают звание вице-адмирала, а в декабре того же года назначают товарищем министра морских сил. С утроенной энергией он берется за порученное ему дело. Вскоре тогдашний министр морских сил Н.С. Мордвинов подает в отставку, возмущаясь тем, что Чичагов фактически подменяет его и распоряжается всеми делами министерства. Император не решился назначить Чичагова министром, но поручил ему исполнять обязанности министра морских сил. Чичагов развил бурную деятельность по преобразованию флота, повышению его боеспособности сообразно с требованиями того времени. Он борется с казнокрадством и взяточничеством, упрощает бюрократическую систему отчетности на флоте, улучшает кораблестроение, укрепляет гавани, налаживает производство навигационных инструментов.

Весной 1803 г. по предложению Павла Васильевича на кораблях вводится должность ревизора, значительно облегчившая бремя хозяйственных забот командира корабля. Были назначены флотские начальники и определен круг их обязанностей. Конечным результатом этих и других административных нововведений стало создание системы управления портовыми городами, которая просуществовала до начала XX века. Чичагову принадлежала инициатива превращения Севастополя из торгового порта в военно-морской порт на Черном море. В октябре 1803 г. он предлагает архангельским корабелям ускорить строительство новых типов современных по тем временам кораблей с обивкой их корпусов листовой медью в целях повышения их быстроходности и маневренности.

В числе важнейших задач министерства морских сил Чичагов видел улучшение работы по подготовке кадров на флоте, воспитанию их в духе славных традиций российского флота, верности Государю и Отечеству. Он вносит изменения в систему обучения кадетов и гардемарин, предусмотрев возможность их стажировки за границей для ознакомления с зарубежным опытом. При Павле Васильевиче российские моряки совершают первое кругосветное путешествие. Чичагов добивался укрепления дисциплины и порядка на флоте, ограничения произвола офицеров по отношению к своим подчи-

ненным. Было запрещено подвергать телесным наказаниям штурманских помощников унтер-офицерского чина и заковывать матросов в кандалы. По предложению Чичагова была введена новая, более удобная форма одежды моряков. Он требовал, чтобы морскую форму носили только моряки. Атрибутами офицерского обмундирования вместо шпаг стали кортики. "Русский флот переродился при нем; техника развилась и силы наши увеличились. Было образовано

Министерство (морских сил. - В. Ю.); устроены порты, эллинги, словом, за несколько лет нельзя было узнать ни моряков, ни наших кораблей. Хищения прекратились; но, естественно, число врагов увеличилось в несколько раз" ¹⁴ . По словам П. Бертенева, издавшего в 1881 г. Архив кн. Воронцова, "Чичагов - лицо необыкновенно любопытное...В преданиях наших старых моряков имя его ценится очень высоко. Утверждают, что все лучшее заведено в нашем флоте Чичаговым" ¹⁵ .

От дальнейших шагов по реформированию флота Чичагова отвлекала череда войн, которые вела Россия. Русско-турецкая война (1806-1812 гг.) была развязана Турцией с целью возврата ее бывших владений в Северном Причерноморье и на Кавказе, а также в связи с ростом влияния России на Балканах. Чичаговым был разработан план военных операций, предусматривавший прорыв Черноморского флота в Босфор и высадку там десанта в количестве 15-20 тыс. солдат. Однако, из-за несогласованности совместных действий с англичанами задуманный план не удалось осуществить в полной мере, хотя турецкой эскадре был нанесен серьезный урон в Дарданельском и Афонском сражениях. Операции черноморского флота также отвлекали внимание неприятеля в Северном Причерноморье и тем самым содействовали успеху Дунайской армии под командованием М.И. Кутузова.

Русско-шведская война 1808-1809 гг. велась Россией за установление полного контроля над Финским и Ботническим заливами. Русским войскам с большим трудом удалось выйти к побережью Ботнического залива, занять Финляндию, овладеть укреплениями Гангута и Свеаборга, крейсировать у Аландских островов и предпринять попытку высадить десант на шведское побережье. Итоги русско-шведской войны ясно подтвердили неотложность принимаемых Чичаговым мер по модернизации российского флота на Балтике.

В 1807 г. император Александр удостоил Чичагова звания полного адмирала и официально назначил его министром морских сил. Еще ранее, в 1805 г., он стал членом сената и Государственного Совета. Император привлекал Чичагова к обсуждению важных государственных вопросов. Его кругозор не ограничивался одними заботами об усилении мощи морского флота России и его роли в мире. Он ясно понимал, что реформа органов государственного управления требовала, чтобы во главе вновь учрежденных министерств стояли люди сведущие, одаренные тактом и соображением. Однако, на деле выходило, что каждый министр постоянно вмешивался в дела других министров. Адмирал в подобных случаях реагировал в довольно резкой форме, что не могло не привести к обострению его отношений почти со всеми министрами. "Его бояться, потому что он настаивает на порядке, и ненавидят за то, что он не позволяет, чтобы крали в его ведомстве", - писал в своем донесении из Петербурга в Италию посланник Сардинского короля Жозеф де Местр ¹⁶ .

Краткую, но весьма верную характеристику Чичагову дал на страницах "Русской Старины" его бывший адъютант граф Федор Петрович Толстой:

"Павел Васильевич Чичагов был человек весьма умный и образованный, будучи прямого характера, он был удивительно свободен и, как ни один из других министров, прост в обращении и разговорах с государем и царской фамилией. Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами, как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера, Чичагов обращался с ними с

большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что, конечно, был ненавидим почти всем придворным миром и всей пустой, высокомерной знатью; но император Александр Павлович и императрица Елизавета Алексеевна его очень любили...

стр. 55

С низшими себя и со своими подчиненными и просителями, которых всегда принимал без различия чинов и звания, Чичагов обращался весьма приветливо и выслушивал просьбы последних с большим терпением"¹⁷ .

Взгляды адмирала на государственное устройство Российской империи, специфику русского государства были удивительно точны и в ряде случаев поныне сохраняют свою актуальность. "В стране, где население так не соразмерно с ее протяженностью и сокращается каждый день, хотят отвлечь рабочие руки, занятые сельским трудом, и направить их для работы на мануфактурах. И на каких подчас мануфактурах? На тех, для которых у них нет такого сырья, как хорошая шерсть, красители, хлопок и проч. Ошибки и пороки присущи всему и они не могут не привести в конце концов к разрухе, какими бы большими ни были ресурсы государства. Нарушение права собственности, лихоимство, монополия, крючкотворство, всякого рода грабеж являются составными частями нашей администрации"¹⁸ .

Адмирал принадлежал к числу прогрессивно мыслящих деятелей России, видевших необходимость реформ с целью отмены крепостного права. Он с пониманием отнесся к принятому в 1803 г. закону "О вольных хлебопашцах", который по сути дела был предвестником реформы 1861 года. Но в ряды тайных обществ декабристов Чичагов никогда бы не встал. Его методы - это реформы, предполагающие преобразования, законодательное искоренение язв и пороков, присущих любому обществу. "По истине, - писал Чичагов, - как было бы возможно быть полезным любезному отечеству, сделавшись разумным помещиком, приведя в порядок громадные земли, нам принадлежавшие; сколько отрад испытало бы сердце человека, задавшегося целью улучшить быт бедных крестьян, помогать им в их нуждах, быть их другом, сделаться руководителем и просветителем юношества! Как хотелось мне испытать борьбу с нашим рабством и дать новое бытие закоптелым избам многих тысяч наших крестьян". В качестве практического шага к освобождению крестьян от крепостной неволи Чичагов "пустил на выкуп" крепостных крестьян в деревнях, пожалованных ему за победы в морских сражениях. "За каждую душу мужского пола, кроме женщин, мне выдали по 150 рублей. Цена была назначена мне правительством", - писал Чичагов в одном из своих писем графу Воронцову¹⁹ .

"Осуждая громко в обществе русских дворян, привязанных к крепостничеству, Павел Васильевич приобрел наименование "якобинца" и "либерала". Чичагову его недоброжелатели припомнили и то, что на его письменном столе стоял бюст Наполеона, военным гением и государственным дарованием которого Павел Васильевич восхищался, оставаясь тем не менее истинно русским человеком. Адмирал "в разговорах с иностранцами бранил русские законы, порядки и нравы, а это безусловно врожденный недостаток всех русских людей!"²⁰ . Обвинение в том,

что Павел Васильевич "недостаточно ценил заслуги своих соотечественников, оказывая предпочтение иностранцам", несправедливо и противоречило его собственным убеждениям.

Испросив у императора отпуск для лечения жены, Павел Васильевич везет ее в Париж, но спасти Елизавету Карловну не удалось. Она умерла в 1811 году²¹. Трудно переносил адмирал тяжесть свалившегося на него горя. Пытаясь поддержать своего друга, граф С. Р. Воронцов писал ему: "Отчаяние, во власти которого вы продолжаете прибывать ввиду несчастья - потери вашей жены, не соответствует характеру твердого и здравомыслящего человека, каким я вас знал. Потеря, которую вы понесли, без сомнения большая, даже невозместимая, и именно для этого надо собраться с силами и суметь победить себя самого, примириться, подумать о том, что ожидала от вас ваша жена и исполнить ее намерение и ее надежду: так как нет сомнения в том, что, умирая, она унесла с собой сладкое утешение, что ваши дети, эти драгоценные свидетельства вашей совместной любви, будут ухожены, а вы будете беречь свои дни, чтобы посвятить их воспитанию этих дорогих детей... Будьте мужчиной, как вы были прежде, и привыкайте переносить бесповоротные декреты Провидения с тем достойным смирением, какое подобает мужчине".

стр. 56

Чувствуя себя сломленным, адмирал просит царя об отставке. Но у Александра I были свои виды на Чичагова. Освободив его от обязанностей министра, император оставляет адмирала при своей особе в звании постоянно дежурного генерал-адъютанта. О степени доверия, с которым царь относился к Чичагову, говорит тот факт, что "ежедневно в 11 часов утра адмирал приходил к государю и Его Величество совещался с ним по всем вопросам государственного управления"²².

Перед лицом надвигавшейся с Запада угрозы наполеоновского вторжения царь решает укрепить позиции России на юге, объединив сухопутные войска и Черноморский флот под единым командованием адмирала Чичагова. В данном случае император, судя по имеющимся данным, преследовал далеко идущую цель - организовать нападение на Францию "путем обходного маневра" с юга при поддержке славянских народов Балкан и Турции. В своем рескрипте на имя Чичагова от 9 апреля 1812 г. Александр I писал: "Избрав Вас Главкомандующим Дунайской Армею, вверяем Вам равномерно и Главное Начальство над Черноморским Флотом. К полной власти Главкомандующего присовокупляем и Главное Управление княжествами Молдавским и Валахским, равно и всеми странами, кои могут быть заняты сухопутными и морскими силами. Вам вверенными"²³. Вот что писал французский историк Тьер о назначении Чичагова командующим Дунайской армией и Черноморским флотом: "Александр имел при себе человека, убеждения которого почти либеральные, ум блестящий и живой, ему (императору) нравились и подавали надежду на великие заслуги; это был адмирал Чичагов. Государь остановил выбор на нем, для весьма важного поручения на востоке, и выбор был весьма удачен, так как адмирал был действительно годен как с практической, так и идеальной стороны для роли, которую должен был играть в этих странах... Блестящее воображение, столь же неутомимая энергия адмирала соответствовали тем ролям, столь различным и

смелым" ²⁴ .

В апреле 1812 г. Чичагов сменяет на должности командующего Дунайской армии Кутузова, которого царь отправляет в отставку. Замена Кутузова Чичаговым готовилась императором в тайне. Но Кутузову удалось об этом узнать и он поспешил предпринять упреждающий шаг, форсировав подписание с турками Бухарестского мирного договора с тем, чтобы лавры этой "дипломатической победы" достались ему, а не Чичагову. Старый полководец, недовольный своей отставкой, затаил обиду как на царя, так и на своего сменщика. Кстати сказать, Кутузова давно настроил против Чичагова его родственник Шишков, который, как было сказано выше, еще в бытность императором Павла I завидовал Чичагову и не мог смириться с тем, что тот был старше его по званию. Не остался в стороне и занимавший одно время должность министра иностранных дел граф Николай Румянцев, который ненавидел и Чичагова, и Кутузова. Румянцев был одним из тех, кто немало потрудился, чтобы поссорить Чичагова и Кутузова. Эти обстоятельства, в частности, неприязнь Кутузова сыграют в дальнейшем роковую роль в судьбе адмирала.

Ознакомившись с положением дел на вверенном ему участке, Чичагов нашел дунайские княжества в плачевном состоянии, а дисциплину в армии почти разваленной. "Проезжая через Молдову и Валахию, - писал он в своем дневнике, - я не раз замечал покинутые жилища и узнавал, что их владельцы бежали из страны или укрылись в лесах, чтобы избежать реквизиций властей и притеснений со стороны солдат... В этих столь плодородных княжествах, которые вместе с Бессарабией и турецкими владениями на румынском берегу Дуная (райатами) могли давать 20 миллионов рублей дохода, Россия была вынуждена оплачивать и содержать армию, оставшуюся без денег и продовольствия, за свой счет" ²⁵ . Три месяца потребовалось Чичагову, чтобы навести должный порядок, укрепить воинскую дисциплину, подорвать застарелые устои коррупции, сократить на две трети подати, взимаемые с населения, добиться значительного пополнения армейской кассы за счет таможенных поступлений.

стр. 57

Важным результатом принятых мер было налаживание отношений с местным населением, которое стало относиться к русским с прежней симпатией. При этом Чичагов не упускал из вида поставленную императором задачу добиваться от Турции согласия на заключение с Россией "наступательного и оборонительного союза" против наполеоновской Франции и ее союзников, т.е. того, чего не сделал Кутузов, поспешив подписать Бухарестский мирный договор. Дипломатический демарш с заключением союза с Турцией позволил бы, по расчетам Александра I, пополнить ополчения сербов, боснийцев и других христианских народов и усилить Дунайскую армию для нанесения "отвлекающего удара" по югу Франции. В случае отказа Турции допускалась возможность возобновления военных действий, чтобы вынудить ее вступить в такой союз. Адмирал Чичагов выступил с идеей "отвлекающего удара", которая нашла конкретное воплощение в плане, представленном на рассмотрение Александру. Император знал, что человек, который готовил этот план и собирался его выполнять, всегда тщательно рассчитывал свои действия. Он мог быть сообразно обстановке и политиком, и администратором, и

полководцем...

Адмиралу удалось установить контакты со многими из турецких пашей и договориться о том, что они не окажут вооруженного сопротивления и пропустят русские войска через контролируемую ими территорию. Отдавая отчет в том, что войскам пришлось бы преодолевать серьезные естественные препятствия в гористой местности, две дивизии Дунайской армии были организованы и оснащены так, что могли пройти везде. Если же турки не согласились бы на проход русских войск по своей территории, адмирал Чичагов был готов форсировать Дунай, атаковать их и двинуться на Константинополь. Черноморский флот был готов осуществить высадку десанта в Константинополе. По мнению Чичагова, поход на Константинополь делал возможным расширение сферы влияния России в этом регионе и мог бы, посеяв смятение среди союзников Наполеона, прервать его вторжение вглубь российских земель.

Предложенный Чичаговым план опережал стратегию Наполеона, который рассчитывал нанести стремительный удар по России, принудить ее к миру, а затем, потребовав у России 100 тыс. войск для усиления французской армии, повернуть на юг, покорить Турцию, отняв у нее Константинополь, направиться в Египет и восстановить там свою власть. Наполеон планировал двинуть свои войска через Малую Азию в Бенгалию и нанести удар по "жемчужине английской короны" - Индии. Как известно, расчеты Наполеона не оправдались.

Чичагов не сомневался в том, что император согласится с его планом "отвлекающего удара". Из Валахии в Сербию направился авангард Дунайской армии под командованием генерал-майора графа Орурка в составе 17 250 пехотинцев, 1950 кавалеристов, 550 казаков, 12 батарейных и 24 легких орудий. Остальная часть Дунайской армии была разделена на пять корпусов под начальством графа Ланжерона, Воинова, Эссена, Булатова и Сабанеева с задачей нанесения удара во фланг австрийской армии, противостоявшей Третьей армии Торماسова. 13 батальонов и 19 эскадронов предполагалось оставить на Дунае "для охранения крепостей и наблюдения турецкой границы"²⁶.

Однако император Александр не поддержал план адмирала. Он был озабочен больше всего вторжением Наполеона в пределы России в июне 1812 года. В своем письме адмиралу он писал: "Ваш план очень обширен и очень дерзок, но кто может поручиться за его успех? А в ожидании результатов мы лишаемся того воздействия, которое наш отвлекающий удар мог оказать на неприятеля, а также на долгое время теряем возможность распоряжаться находящимися под вашим командованием войсками, направляя их к Константинополю. Не говоря уже об общем шокирующем впечатлении, которое произведет на наших соотечественников и на союзников, англичан и шведов, подобное решение, разве это не добавляет нам оснований для сомнения..."²⁷.

стр. 58

Александр I предписал Дунайской армии идти в северном направлении, форсировать Днестр и быть готовой нанести удар во фланг наполеоновской армии. Адмирал

поспешил выполнить повеление императора. Из Сербии пришлось отозвать авангард Дунайской армии. Чичагов намеревался переформировать армию за Днестром и рассчитывал соединиться с Третьей армией генерала А.П. Тормасова 7 сентября.

На первом этапе войны под натиском превосходящих сил Наполеона русские армии вынуждены были отступать. Предпринятая Наполеоном попытка разгромить основные силы русских войск в ходе сражения под Смоленском окончилась неудачей. Русские войска под командованием Барклая де Толли продолжали отход вглубь страны. Наполеон уже был под Гжатском, когда под давлением общественного мнения России, недовольного тактикой отступления и требовавшего заменить иностранца-главнокомандующего русским генералом, Александру I пришлось назначить верховным главнокомандующим М.И. Кутузова вместо Барклая де Толли.

В Рескрипте императора, направленном всем командующим армиями (в том числе Тормасову и Чичагову) говорилось: "Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить над всеми оными главного начальника. Я избрал для этого генерала-от-инфантерии князя Кутузова, которому я подчиняю все четыре армии вследствие чего я предписываю вам со вверенною вам армией состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличить надлежащими наградами"²⁸.

7 сентября 1812 г. произошло Бородинское сражение, в ходе которого русские войска упорной обороной и ценой жизнью 44 тыс. русских воинов сорвали наполеоновский план разбить русскую армию в генеральном сражении, обескровили войска Наполеона, что предопределило поражение французской армии. Незадолго до вступления французов в Москву верховный главнокомандующий Кутузов направил командующему Третьей армией генералу Тормасову приказ прекратить наступательные операции против армии австрийского генерала Шварценберга и идти спасать Москву. В "Записках" адмирала Чичагова имеется на этот счет следующая запись: "...мы находились в сорока пяти днях перехода от Москвы, а Наполеон стоял у ворот столицы, в тот момент Кутузов отправил этот приказ, полученный нами лишь через одиннадцать дней после вступления французов в Москву. С другой стороны Шварценберг и Ренье, узнав об уходе Тормасова, вернулись бы к своей прежней тактике и принудили бы меня либо к неравной борьбе, либо к отступлению, отдающему в их руки две плодороднейшие провинции империи. Поэтому Тормасов с легкостью принял решение не подчиняться и не отделяться от меня до тех пор, пока Шварценберг не будет отброшен за российскую границу или, по крайней мере, изгнан из Волыни"²⁹. Аналогичный приказ Кутузова получил и Чичагов, который по тем же соображениям, что и Тормасов, счел невозможным его исполнять. В дальнейшем Кутузов упрекает Чичагова в том, что он якобы не считает нужным подчиняться приказам верховного главнокомандующего. Это было лишь начало проведения Кутузовым линии на "сведение счетов" с Чичаговым, его компрометацию как полководца. Ключом к пониманию неприязни Кутузова к Чичагову является то, что последний "хорошо познал Кутузова", располагая информацией о том, что тот подчас напрямую был замешан в преступлениях, творившихся в Дунайской армии.

30 августа 1812 г. император отправил Кутузову с флигель- адъютантом А.И. Чернышевым общий план военных действий, по которому "князь Кутузов должен

был удерживать Наполеона и поражать его с фронта, между тем как войскам, находившимся в губерниях Витебской, Лифляндской, Волынской и Минской назначалось стать на операционном пути неприятеля.... Главное достоинство операционного плана состояло в том, что армия Чичагова и Тормасова и корпуса графов Витгенштейна и Штейнгеля переставали дей-

стр. 59

ствовать отдельно и получили одно общее, совокупное, сосредоточенное направление. Каждое из этих четырех отделений войск должно было поспевать к назначенным местам в урочное время, определенное в плане". Получив план императора, Кутузов сказал, что он "совершенно разделяет мнение его величества, сознается в пользе и выгодах, могущих впоследствии от операционного плана", но, к сожалению, посланное Кутузовым повеление Чичагову было "не во всем сходное с предполагаемыми в плане действиями"³⁰. Кутузов счел за благо отменить свой приказ Чичагову и Тормасову и сообщить им о своем решении, направив к ним Чернышева.

Концентрация русской армии в районе Тарутина создала мощный заслон для предотвращения прорыва французов в южные губернии России. У Наполеона не было иного выбора, как повернуть на старую Смоленскую дорогу и начать отступление из России, превратившееся в конечном итоге в беспорядочное бегство под ударами партизан и летучих отрядов кавалерии.

Император Александр и Кутузов имели разные подходы в отношении завершения Отечественной войны 1812 года. Поставив себе целью изгнание Наполеона из пределов России, Кутузов решил закончить войну на границе. Император, мечтавший стать спасителем Европы от Наполеона, хотел пленить его. Император приказал Чичагову выдвинуться со своей Дунайской армией к реке Березина, где соединиться с наступавшей с севера группировкой генерала Витгенштейна, перекрыв Наполеону и остаткам его армии пути отступления. В помощь Чичагову была придана часть Третьей армии генерала Тормасова, который сдерживал натиск австрийского генерала Шварценберга и саксонского корпуса Репье. "Никогда и никто не испытывал той живейшей радости, какую извели мы, узнав о приближении армии адмирала Чичагова. Должно признаться, что единственно редким достоинством этого генерала принадлежала заслуга прибытия к нам на помощь с такою удивительною быстротою, без остановок перед препятствиями, которые ему пришлось преодолеть, как, например, переправы через реки, сделавшиеся опасными вследствие разливов; в короткий промежуток времени он совершил длинейший путь из Бухареста в Луково. Единственно этому быстрому соединению обязаны мы успехами нашей армии, может быть, влиянием на успехи великой армии. Во всяком случае должно сознаться, что он спас честь нашей армии, не дозволив (австрийцу Шварценбергу - *В.Ю.*) отбросить нас на Киев, а что главное того, все эти превосходные губернии не достались в руки неприятелю"³¹. Эти слова принадлежали генералу Чаплицу, который, был "один из доблестнейших героев наших 1812 года, и храбрейших кавалерийских генералов", "пользовался общим уважением" и "был в высшей степени скромным и совестливым человеком".

Как отмечалось выше, Александр I хотел завершить войну окружением остатков Великой армии и пленением Наполеона. Насколько реальной была возможность практической реализации такого плана? Идея такой операции не принадлежала Кутузову, как утверждают некоторые историки. Более того, Кутузов считал такой план нереальным в тех условиях, где и как предлагалось его осуществлять. Идея окружения и пленения Бонапарта была подсказана Александру I Пфулем, одним из его военных советников.

Почему Чичагов поддержал "план окружения"? Очевидно он полагал, что все другие участники предполагаемой операции - и Кутузов, и Витгенштейн - строго обеспечат точное согласование и координацию своих действий и замкнут кольцо вокруг Наполеона и его армии на Березине. Разумеется, Чичагову было ясно, что одна Дунайская армия, даже усиленная армией Торماسова, не смогла бы обеспечить окружение Наполеона.

Объединяя войска Чичагова и Торماسова в Третью армию под единым командованием адмирала, русское командование решало двоякую задачу: не допустить продвижения австрийцев и саксонцев к району, где они могли оказать прямую поддержку отступавшей армии Наполеона, и выйти на соединение с северной группировкой графа Витгенштейна и тем самым перекрыть путь французам к отступлению из России. Шварценбергу Наполеон

стр. 60

неоднократно напоминал о том, что его главная задача - следить за передвижениями армий под командованием Чичагова и стараться "удержать их в Литве".

10 сентября обе русские армии, насчитывавшие в своем составе 60 тыс. человек, выступили в направлении на Владимир Волынский с целью отеснить правое крыло войск Шварценберга от Буга и лишить его прямого сообщения с Варшавой, откуда Шварценберг получал подкрепления. Шварценберг, войска которого вместе с саксонским корпусом Ренье имели в своем составе лишь 40 тыс. человек и значительно уступали русским армиям по численности, стремился уклониться от сражения с русскими. Он отступил за Буг и направился к Бресту. В итоге в этой части театра военных действий неприятель был вытеснен за пределы Российской империи.

Заняв Брест, Чичагов был вынужден пробыть там в общей сложности три недели несмотря на полученное им предписание Кутузова идти на Минск. Подвела задержка с доставкой продовольствия для армии. Однако, Чичагов не тратил время даром и организовал ряд успешных операций. Так, например, кавалерийский полк под командой флигель- адъютанта Чернышева совершил восьмидневный рейд на Варшаву, сжег там несколько неприятельских складов, вызвал панику, побудившую Шварценберга на время оставить "наблюдение за Чичаговым" и идти оборонять Варшаву. Чернышеву же удалось оторваться от преследовавших его австрийцев, форсировать Буг и вернуться в Брест, приведя с собой 200 пленных. Другой кавалерийский бросок осуществил генерал Чаплиц, который внезапно появился в Слониме, где формировался из "мятежных литовцев" полк под командой польского

генерала Конопки. Конопка, 13 офицеров и 235 "нижних чинов" были взяты в плен, была захвачена казна (200 тыс. франков), а лишенный командования полк разбежался.

Наступила середина сентября, а Чичагов все еще стоял в Бресте по причине недостатка запасов продовольствия и из-за опасения, что Шварценберг направится следом за русской армией, как только Чичагов покинет Брест. Но время торопило. Чичагов принял решение разделить объединенную армию на две неравные части: одну часть под командой генерала Сакена оставить позади себя в виде заслона для сдерживания австрийцев и саксонцев, а с другой частью, ядро которой составила бы Дунайская армия, выступить самому в поход к Минску и далее к Березине. По пути следования к армии Чичагова должен был присоединиться стоявший в Мозыре корпус Эртеля, который, однако, не исполнил приказ Чичагова и остался в Мозыре по разным причинам, главной из которых была эпизоотия (падеж скота). В целях компенсации отсутствия войск, не пришедших с Эртелем, Чичагов приказал Сакену отправить для соединения с Дунайской армией корпус Эссена. Заменяв Эртеля генералом Тучковым, Чичагов предписал ему вместе с его корпусом идти через Рогачев и Могилев на соединение с Дунайской армией. В Дунайскую армию также влился пришедший из Сербии отряд под командованием Лидерса. Таким образом, Чичагов энергично создавал под своим командованием достаточно сильную группировку войск, основой которой являлась Дунайская армия.

5 ноября Чичагов пришел в Минск. Французский губернатор Бронниковский с гарнизоном бежал из Минска в Борисов. Неприятель не успел уничтожить накопленные за три месяца в Минске запасы хлеба, пороха, свинца. На складах ("магазинах") Минска имелось столько продовольствия, что его хватило бы Дунайской армии на месяц. Не задерживаясь в Минске и стараясь наверстать время, потраченное на свое вынужденное "стояние" в Бресте, Чичагов выступил на Борисов. Впереди Дунайской армии ускоренным маршем шел авангард генерала графа Ламберта, который 9 ноября на рассвете подошел к Борисову. Походные колонны неприятельских войск под командой генерала Домбровского вошли в Борисов накануне ночью и не сумели занять оборону, когда они были внезапно атакованы графом Ламбертом (во время ночного штурма Ламберт был ранен). Штыковой атакой и огнем подоспевшей артиллерии авангард Ламберта пробился к мосту через

стр. 61

Березину и овладел Борисовым. Домбровский был отброшен на Оршанскую дорогу. 10 ноября Чичагов со своим штабом прибыл в Борисов, завершив переход Дунайской армии с Буга на Березину и опередив Наполеона, который в этот момент только переправлялся через Днепр. Так Чичагов выполнил указание императора, перерезав, как оказалось, главный путь, который Наполеон планировал использовать для отступления из России.

Кутузов, командовавший основными силами русской армии, теснившими армию Наполеона, остановился в городе Копысь. Вынужденный ожидать подвоза продовольствия и построения моста в Копыси, Кутузов не мог скоро переправиться через Днепр. Кроме того, главная армия, шедшая без остановок от Тарутина и на

пути выдержавшая три кровопролитных сражения с французами под Малоярославцем, Вязьмой и Красным, нуждалась в отдыхе и некотором переформировании, чтобы, говоря словами Кутузова, "было с чем придти на границу". Отрядив в погоню за отступающей армией Наполеона свой авангард под командой Милорадовича, которому были приданы соединения Платова и Ермолова, Кутузов, как утверждают некоторые историки, не спешил на соединение с армией Чичагова. К тому же он придержал Витгенштейна, приказав ему не вступать в бой и даже отступить за Неман, если он будет атакован превосходящими силами неприятеля. Витгенштейну, однако, предписывалось атаковать корпус Виктора да и то, только в том случае, если можно обеспечить его разгром.

Дезорганизацию в управление русскими войсками вносил и сам император Александр своими распоряжениями, отдаваемыми Чичагову и Витгенштейну через голову Кутузова. Кутузов же делал вид, что он подчиняется приказам императора. К тому же Кутузов не мог забыть прошлые обиды и пытался мстить Александру I, стараясь, в частности, представить "любимца императора" Чичагова как неумелого полководца, не выполняющего приказы главнокомандующего. С этой целью Кутузов посылал приказы Чичагову, помечая их задним числом, искажал или уничтожал рапорты Чичагова. В своих же рапортах императору Кутузов намеренно включал заведомо ложную информацию, утверждая, будто он, преследуя неприятеля, уже вышел к Березине, в то время как до Березины ему еще предстояло преодолеть 150 километров. О том, как Кутузов "поддерживал" действия армии Чичагова говорит следующий факт, описанный самим Чичаговым в его мемуарах ("Записках"). "Нужно было без промедления захватить линию вдоль Березины. Мы были вынуждены продвигаться на ощупь, т.к. местные жители не хотели давать нам сведения, а точных карт у нас не было. Карты действительно были сняты перед самой войной, но для того, чтобы сделать по ним гравюры времени не хватило, а Кутузов, располагавший манускриптами карт, несмотря на мои многочисленные просьбы, не согласился ни передать их мне, ни хотя бы направить ко мне одного из работавших с ними (картами) офицеров. Он держал их в своем штабе, находившемся в семи переходах от театра военных действий"³². Подобное отношение Кутузова к неоднократным просьбам адмирала походило скорее на саботаж, следствием которого были неоправданные потери в живой силе и вооружениях армии Чичагова.

При всех заслугах Кутузова перед Отечеством нельзя не отметить, что он был большим мастером интриги и компромата против тех, кого считал своими "обидчиками". "В письме графу С.Р. Воронцову от 15 сентября 1813 г. П. В. Чичагов обращается к событиям, предшествовавшим переправе Наполеона через Березину, отмечая факты сознательного искажения действительности в донесениях Кутузова в Петербург. "Достаточно перечитать их, глядя на карту, чтобы убедиться во всех махинациях и в шарлатанстве этого человека и ему подобных. Находясь более, чем за 100 верст на фланге хвоста неприятеля в тот момент, когда последний переходит Березину, он пишет с невероятной наглостью, что преследует его по пятам, и ему верят. Что касается Витгенштейна, то он идет в направлении, противоположном тому, по которому он должен был следовать, а затем хвалится тем, что вынудил Бонапарта перейти Березину. Стало быть он сражался со мною, поскольку я нахо-

дился с другой стороны, чтобы помешать переходу... Он (Кутузов. - В. Ю.) подставил меня под уничтожение окружившим меня неприятелем". А поскольку Чичагов был выдвигенцем царя, то, компрометируя адмирала, Кутузов тем самым "наносил удар" и по Александру I. В этом, видимо, и состояла суть задуманной Кутузовым интриги.

На самом деле адмирал, стараясь выполнить предписания императора, вышел к Березине один. В то время Витгенштейн был в трех, а Кутузов - в пяти днях перехода до Березины. План взаимодействия между Чичаговым, Витгенштейном и Кутузовым оставался на бумаге. Кутузов с армией выступил из Копыси только 14 ноября, т.е. в тот же день, когда Наполеон прибыл из Борисова к месту, где он решил строить собственную переправу. Чичагов и подчиненные ему генералы не смогли своевременно организовать сбор достоверной разведывательной информации о местонахождении самого Наполеона, его тактических и стратегических планах, дислокации его войск. Наполеон не мог не воспользоваться этим промахом русского командования. Ему удалось с помощью обманного маневра ввести Чичагова в заблуждение об истинном месте своей переправы через Березину. Наполеон приказал своим саперам наводить ложную переправу через Березину южнее Борисова, а сам со своей гвардией скрытно направился в северном направлении и вышел к узкому руслу реки у деревни Студенка.

Поскольку левый берег Березины от Веселова до Ухолода был занят неприятельскими войсками, Чичагову было трудно угадать, где Наполеон замыслил переправляться через Березину, и куда он намеревался отступить после переправы - на Вильно или Минск. Русский военный историк А. И. Михайловский-Данилевский отмечал, что "в подобных случаях принято правилом: держа войска в совокупности, стоять в центральном пункте и быть на равном расстоянии от мест, где неприятель может устроить переправу, по первому о том известию двинуться к ней, противопоставить возможные препятствия к переходу через реку или, если это не удастся, со всеми силами напасть на часть войск, уже успевшую перейти. Так сначала и поступил Чичагов. Все 12-е ноября, т.е. на другой день после того, когда по разбитии арьергарда он принужден был возвратиться на правый берег Березины, он простоял у Борисовского укрепления, составлявшего центральную точку переправ на Березине, отрядами наблюдая пространство от Земина до Уши и истребляя на реке плоты и материалы, которые могли служить неприятелю для построения мостов". Чичагов направил по правому берегу Березины на север к Зембину отряд Чаплица, а на юг до местечка Березино отряд графа Орурка.

Чичагов продолжал стоять со своей армией у Борисова, когда получил указание Кутузова "принять меры осторожности на случай, если Наполеон пойдет вниз по Березине к стороне Бобруйска, чтобы там переправясь, обратится на Игумен и Минск"³³. Оставив часть своей армии у Борисова, Чичагов выступил 13-го ноября в южном направлении к Забашевичам, где на следующий день он получил донесение Орурка о решении Наполеона готовить переправу у Студянки. Стремительным марш-броском Чичагов со своим войском вернулся к предмостным укреплениям у Борисова. Он приказал навести через Березину понтонный мост для сообщения с Дунайской армией

прибывших в Борисов Витгенштейна и отряженных Кутузовым войск Платова и Ермолова. Чичагов согласовал с Витгенштейном совместные действия против переправлявшейся через Березину наполеоновской армии. Договорились о том, что Витгенштейн будет преследовать до переправы аррьергард Наполеона, которым командовал Виктор. А Чичагов обеспечит сосредоточение у Стахова группировки в составе половины Дунайской армии, корпуса графа Платова и 14 батальонов генерала Ермолова, готовых атаковать наполеоновские войска, которые смогут переправиться через Березину.

С высокого левого берега Наполеон наблюдал передвижения за рекой русских егерей и казаков, которые располагались в низине у болота, отделявшего их от переправы, и имели возможность огнем мешать движению французов через Березину. Наполеон распорядился оборудовать на возвышенности у Студянки позиции для 40 крупнокалиберных пушек для прикрытия переправы и приступить к строительству мостов. Понтонов у французов не было, их сожгли еще при отступлении из Москвы. Поэтому Удино приказал рубить лес и разбирать избы соседней деревни. Полученные таким образом стройматериалы предназначались для строительства двух мостов через реку. Еще до начала строительства Наполеон приказал отряду кавалеристов переплыть Березину, взяв каждому по пехотинцу. Вместе с ними поплыли паромы с пехотой. Так был захвачен плацдарм на правом берегу у строившейся переправы.

Первым по построенному мосту переправился корпус Удино, которому Наполеон приказал закрепиться на плацдарме, захватить Зембинское дефиле и проверить, насколько исправны мосты и гати на дороге в Вильно. Убедившись, что дорога на Вильно практически свободна, Наполеон решил, чтобы на правый берег переправился Ней, а за ним со своей гвардией последовал и он сам. Заняв 15 ноября хутор Занивки, Наполеон следил за переправой, по которой спешили французские части и обозы, направлявшиеся прямо на дорогу в Вильно.

Находившийся в Зембине русский корпус был малочисленным для того, чтобы мешать переправе французов. Просчетом командования этого корпуса было то, что оно заблаговременно не позаботилось о необходимости привести в негодность дорогу на Вильно в районе Зембинского дефиле, спалив там мосты и гати. Как писал один французский автор, "если бы русские сожгли Зембинские мосты, то нам ничего другого не оставалось бы, как повернуть к Минску, налево, где была армия Чичагова, потому что вправо на несколько лье были непроходимые болота... Наполеон не имел бы никакого средства к спасению"³⁴.

Отступление французов по дороге в Вильно давало Наполеону единственный шанс избежать плена самому и сохранить остатки армии. Но для этого надо было оттеснить от переправы отряд Корнилова, усиленный кавалеристами Чаплица, и насколько возможно помешать выступлению резерва, созданного Чичаговым в районе Стахова. Сводным отрядом французов командовал Ней, который выдвинул против русских пехоту при поддержке конницы и попытался отбросить отряды Корнилова и Чаплица в лесной массив. Прибывший в Стахов Чичагов направил на

выручку русских отрядов две дивизии под командой генерала Сабанеева, который приказал "рассыпать в стрелки более половины своих обеих дивизий", посчитав рассыпной строй наиболее полезным боевым порядком в условиях боя в лесистой местности. Решение Сабанеева оказалось ошибочным, т.к. действовавшие врасыпную русские пехотинцы оказались легкой добычей французской конницы. Лишь благодаря контратаке Павлоградских гусаров под командой Чаплица удалось опрокинуть неприятельскую кавалерию и заставить французов отступить. А войска резерва Чичагова в Стаховском сражении не участвовали. Они ждали своего часа вместо того, чтобы преследовать и добивать отступающего по Виленской дороге врага.

Тем временем Виктор со своим корпусом начал переправляться через Березину. Утром 17 ноября Наполеон приказал жечь мосты. Обращаясь к

стр. 64

генералу Эбле, руководившему разрушением мостов, Наполеон сказал: "Приберите мертвые тела и побросайте их в воду; русские не должны видеть наши потери". В то же утро Наполеон в сопровождении охраны из 100 гвардейцев выехал из Занивок в Камень, куда бежала его армия, которая должна была идти на Вильно через Молодечно, Сморгонь и Ошмяны. Достигнув Сморгони, Наполеон решил оставить свою армию и под предлогом борьбы с готовящимся против него заговором поспешил в Париж. Наполеона сопровождал Арман Огюстен Луи Коленкур, генерал и дипломат, пользовавшийся у Бонапарта безграничным доверием. Беседуя с ними, Наполеон доверительно делился своими оценками уроков проигранной войны с Россией, давал характеристики некоторым ее участникам. Позднее Коленкур сделал записи этих бесед, из которых видно, что Наполеон, в частности, не высоко ценил полководческие качества Кутузова. "А что сделал Кутузов?" - задавался он вопросом и тут же давал ответ: "Он скомпрометировал свою армию на берегах Москва реки, что привело к пожару Москвы. А что он сделал во время отступления (французов), когда перед ним не было никого, способного воевать, а были лишь полуживые существа и ходячие призраки? Он и Витгенштейн позволили нанести тяжелые потери адмиралу (Чичагову). Все другие русские генералы стоили гораздо больше, чем эта престарелая придворная дама, какой был Кутузов"³⁵.

Несмотря на то, что только за переправу через Березину Наполеону пришлось заплатить весьма дорогую цену, исчислявшуюся тысячами убитых, искалеченных и брошенных на произвол судьбы, не говоря уже о материальных потерях и моральном ущербе наполеоновской Франции, ожидания российского императора не осуществились, потому что французам не преградили путь к отступлению, не истребили неприятельскую армию до последнего человека, как приказывал государь, и не был схвачен сам Наполеон.

Кутузов поспешил объявить Чичагова главным виновником того, что Наполеон ускользнул из "Березинской западни". С этой целью он отправил императору Александру следующее донесение: "Сия (наполеоновская. - В.Ю.) армия, можно сказать, 12, 13 и 14 числа ноября находилась окруженная со всех сторон. Река Березина, представляющая натуральную преграду, господствуема была армиею

адмирала Чичагова, ибо достаточно было занять пост при Зембине и Борисове, (пространство 18 верст), чтобы воспрепятствовать всякому переходу неприятеля. Армия Витгенштейна от Лепеля склонилась к Борисову и препятствовала неприятелю выйти с сей стороны. Главный авангард армии Платова и партизаны мои теснили неприятеля с тыла, тогда как главная армия шла в направлении между Борисовым и местечком Березиным с тем, чтобы воспрепятствовать неприятелю, если бы он восхотел идти на Игумен. Из сего положения наших армий в отношении неприятельской должно бы полагать неминуемую гибель неприятельскую; незанятый пост при Зембине и пустой марш армии Чичагова к Забашевичам (осуществленный по повелению Кутузова. - В. Ю.) подали неприятелю удобность перейти при Студянке"³⁶. Донесение Кутузова представляло в искаженном свете действия армии Чичагова, которая одна сумела нанести французской армии сокрушительный урон на Березинской переправе, после которого "Великая армия" фактически перестала существовать как армейское формирование.

17 ноября 1812 г. адмирал Чичагов представил императору Александру свой отчет о том, что произошло на Березине: "Теперь, Государь, я должен думать, что меня будут упрекать в том, что я не взял Бонапарта и его армии, что я мог это сделать, если б угадал наверное где он пройдет и если б поставил корпус для преграды ему пути. Я же со своей стороны убежден, что корпус, который я мог бы отрядить, например, в Зембине не произвел бы более действия, чем тот, который защищал место, где он хотел найти пристанище. Реку во многих местах можно перейти в брод и в весьма короткое время можно переправить достаточное число людей, чтобы завладеть противоположным берегом под прикрытием сильной батареи. У меня было только от 16 до 17 тысяч пехоты, которая одна может считаться в подобном случае,

стр. 65

ибо кавалерия совершенно бесполезна. Корпус в Зембине, в 30 верстах от Борисова, который я должен был также удерживать, как и всю дистанцию до Березины, не мог быть довольно силен, чтобы устоять против 60-70 тысячной армии Наполеона, которая хочет проникнуть; он сделался бы жертвою прежде чем я мог бы подумать придти ему на помощь, тем более, что неприятель пересекал мне дорогу и даже всей моей армии было бы недостаточно, чтобы удержать его хотя бы на сутки. Это бы могла совершить только природная преграда; во всяком другом случае он бы все-таки прошел, а у меня было бы одним корпусом меньше. Если теперь употребить деятельность и совокупность в преследовании, также как в будущих действиях, то ему можно также нанести много вреда, но схватить человека, окруженного только своею гвардиєю или разом уничтожить его армию, - это мне кажется химеры. Впрочем, Государь, я сделал все возможное, чтобы осуществить собственную мою мечту, но весьма хорошо сознал непреодолимые препятствия, порождаемые практикою, когда она чужда мнимых теорий"³⁷.

По словам Л.М. Чичагова, "переход через Березину до сих пор был известен только по сообщениям офицеров французской армии, которые представляют взгляд лишь одной стороны, и из рассказов русских историков, которые не были очевидцами событий и которым к тому же не позволялось говорить правду". В этой связи уместно напомнить слова из письма, хранившегося в архиве генерала Дубровина: "Я

вижу, что в Петербурге совсем не отдают справедливости Чичагову... Березина, можно сказать, доканала французов... Все французы говорят, что погубила их совершенно встреча с молдавской армией (Чичагова. - В.Ю.) у Березины"³⁸ .

По словам Л.М. Чичагова, "нет сомнения, что именно ...близость Чичагова к императору и злоба Кутузова, за смену его в Дунайской армии, причинили то падение, которое решило дело при Березине. Коварные действия Кутузова относительно адмирала уже разоблачены, но нельзя не удивиться, что много десятков лет потребовалось для этого. Масса современников и свидетелей переправы заявляли тогда словесно и письменно о невиновности Чичагова и что во всяком случае ответственность за переправу должна пасть на Кутузова и Витгенштейна более, чем на адмирала, но этим лицам зажимали рты, а записки их рвались и прятались под спуд"³⁹ .

В защиту Чичагова выступили участники Отечественной войны 1812 г. Денис Давыдов, генерал-лейтенант М.С. Воронцов, воевавший под началом адмирала и ставший впоследствии фельдмаршалом, генералы Ермолов, Чаплиц и многие другие. В своем дневнике Денис Давыдов писал: "С трех сторон спешили к Березине Чичагов, Витгенштейн, Кутузов и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и др. Армия Чичагова, которую Кутузов полагал силою в шестьдесят тысяч человек, заключала в себе лишь тридцать тысяч, из которых около семи тысяч кавалеристов, ... армия Витгенштейна следовала также по направлению к Березине, ... она продвигалась медленно и нерешительно... Кутузов со своей стороны избегал встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился все время значительно позади. Это не помешало ему, однако, извещать Чичагова о появлении своем на хвосте неприятельских войск. Предписания его, означенные задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу... Адмиралу, которого армия была вдвое слабее того, чем предполагал князь Кутузов, невозможно было одному, без содействия армии князя и Витгенштейна, бывшего далеко позади преградить путь Наполеона"⁴⁰ .

Генерал Федор Орлов - флигель-адъютант Александра I, писал: "...Если бы к адмиралу Чичагову подошли ожидаемые подкрепления, то ни один француз не переправился бы через реку. В самом деле с 20 тысячами человек, из которых только 15 тысяч пехоты, нелегко было охранять всю переправу через реку, берега которой сплошь покрыты лесами и болотами и заросли омелью, особенно же тогда, когда с тыла этим 20 тысячам угрожали 40 тысяч австрийцев и саксонцев"⁴¹ . Если учесть, что Березина - это не полноводная

стр. 66

река, подобная Дунаю, Одру или Эльбе, а река, изобилующая бродами и узкими местами, удобными для переправы, то нельзя не согласиться со словами генерала Орлова о том, что "Наполеону не требовалось ни хитрости, ни искусства, чтобы совершить переправу"⁴² .

Генерал Ермолов со свойственной ему решительностью выступил в защиту адмирала. В своих мемуарах он писал: "адмирал Чичагов, при первом разговоре со

мною, вы казался превосходного ума, и я чувствую с негодованием насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений". Генерал Ермолов далее вспоминает: "Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильно, на ночлег приехал неожиданно кн. Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине. Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представлять его желают... Легко я мог заметить, до какой степени простиралось неблагорасположение его к адмиралу. Не нравилось ему, что я смел оправдывать его. Но в звании моем неловко было решительно пренебречь моими показаниями, и кн. Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину, и уверял меня (хотя и не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что доселе готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал об этом". О том, что было дальше, рассказывает Денис Давыдов: "Ермолов, очевидец Березинских событий, представил светлейшему (Кутузову. - В.Ю.) записку, в которой им были резко изложены истинные, по его мнению, причины благополучного отступления Наполеона. Он поднес ее во время приезда в Вильно князя, сказавшего ему при этом случае: "голубчик, подай мне ее, когда у меня никого не будет". Эта записка, переданная князю вскоре после того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вероятно, умышленно затеряна светлейшим". В своей записке "Отечественная война. 1812 год", опубликованной в июне 1886 года в журнале "Русская Старина", генерал Чаплиц высказал убеждение в том, что "адмирал... считал немислимым совершенно истребить французскую армию, когда внутри России полагали это возможным; но он хотел нанести неприятельской армии такого рода урон, который мог ей быть губительным, а в последствии довести ее до полного расстройтва... Переправа послужит еще уроком для военных, как доказательство, что одной храбростью солдата, признанным мужеством офицеров, военными дарованиями маршалов и генералов нельзя поддержать армию при перемене счастья, но лишь нравственная сторона ее создает дисциплину и не ради внешности, чтобы тяготеть над человеком, но по принципу чести, который возвышает душу над невзгодами, сближает и связывает нас для борьбы и заставляет блюсти честь государя, народа, армии, а не частных лиц".

"Честный характер генерала Чаплица вполне выразился в его записке, - писал Л.М. Чичагов. - Он восстал против этого гнусного направления закидывания грязью своего начальника, для оправдания собственных ошибок, и лишь поясняет самые факты, как складывались обстоятельства, побуждавшие к тем или другим действиям и решениям со стороны адмирала и его самого...

Из писем Чаплица к Чичагову видно, что первый желал написать еще другую записку исключительно с целью оправдать адмирала, но, как нам известно, на многие подобного рода просьбы, Чичагов отвечал всегда отказом, убежденный, что время и история ему без того отдадут полную справедливость"⁴³.

Недоброжелатели Чичагова обрушили на него поток клеветы с обвинением чуть ли не в измене. Все его заслуги перед Отечеством старались предать забвению. Он даже не был включен в число участников войны 1812 г., чьи портреты предполагалось поместить в Военной галерее Зимнего дворца. Считая ниже своего достоинства вступать в полемику с клеветниками, Чича-

гов писал своему другу графу Воронцову 15 сентября 1813 г.: "Толпа везде слепа, но она вдвойне слепа у нас, потому что она менее просвещенная и совсем не имеет привычки пользоваться глазами разума, а значит ее очень легко ввести в заблуждение, но что думать о тех, кто, зная правду, терпят ложь и клевету?"⁴⁴ . В этом же письме он с иронией отмечает: "...самая большая моя вина в том, что я пришел в место, указанное императором; другие же, кто не пришли туда (т.е. Кутузов и Витгенштейн. - В. Ю.), все оказались правы".

В письме графу Воронцову от 25 мая 1813 г. Чичагов писал: "...надо, чтобы вы знали, что я ушел из армии вовсе не из-за чрезмерной чувствительности, а для того, чтобы служба не страдала из-за придирок ко мне маршала кн. К. (Кутузова. - В.Ю.). Он стремился помешать всему, что я делал, даже если это было для его собственной славы... Меня обвиняют в содеянных ошибках, но в чем же они состоят? Никто мне этого не сказал. Главный упрек в том, что я не взял в плен Наполеона, но разве я обещал это сделать? Был ли мне дан такой приказ? Имел ли я такую задачу? Возможно ли было это выполнить?"⁴⁵ .

Во время аудиенции у императора Александра в Вильно, куда Чичагов прибыл за новыми инструкциями о дальнейших действиях в Пруссии, Павлу Васильевичу был оказан "самый милостливый и самый сердечный с виду" прием. "Я спросил тогда, - вспоминал Чичагов, - нет ли у Его Величества каких-либо претензий ко мне и что в этом случае я хотел бы только иметь возможность объясниться. Он мне ответил, что ему известно все и что у него нет упреков в мой адрес"⁴⁶ .

Непонятно, почему Чичагов не настоял на объективном разбирательстве всего того, что произошло на Березине. В своем письме Чичагову Воронцов писал по этому поводу: "Я уверен, что, если бы до того, как покинуть армию, вы поехали бы в штаб-квартиру в Калиш и попросили бы аудиенцию у Императора, настаивая на том, чтобы присутствовал Кутузов, и что там, изложив им все, что вы сделали, предъявляя сообщения и приказы, добавляя, что, как вам известно из петербургских писем, вас обвиняют в армии в том, что вы позволили Бонапарту ускользнуть, ваша честь вам слишком дорога, чтобы не потребовать, не настоять даже на созыве военного совета, чтобы судить вас; я глубоко убежден, что Кутузов был бы вынужден вас оправдать и признаться в присутствии Императора, что упрекнуть вас в чем-либо невозможно"⁴⁷ .

Остается невыясненным также вопрос о том, почему император Александр, считавший, что причиной провала плана окружения Наполеона на Березине была "медлительность действий" Кутузова, не выступил в защиту адмирала. Ведь одного слова императора было бы достаточно, чтобы положить конец клеветнической кампании против П.В. Чичагова. Дело, видимо, в том, что "подданным нужен был виновник того, что Наполеон ускользнул, и Александр, как это делал он не однажды за время своего правления, пожертвовал одним из ближайших соратников"⁴⁸ .

Но упреки недругов Чичагова, включая даже нелепые обвинения чуть ли ни в измене, продолжались. Не в силах выдержать сплетен и слухов, витавших вокруг его

имени, Чичагов вышел в отставку в феврале 1813 г., он сдал командование своей армией и покинул службу. В это трудное для Павла Васильевича время его пытался поддержать Воронцов, его давний и преданный друг. Горько сожалея о принятом Чичаговым решении уйти из армии, он писал Чичагову: "...мне досадно...за службу и за вас самого, так как вы попросили освободить вас от командования армией, которая вам была доверена. Я полагаю, что вы сделали это от избытка чувствительности... Вы не знаете, что вы играете на руку вашим врагам, которые хотят этого. Они хотели лишиться вас командования и, не надеясь добиться этого от Государя, они взялись с другой стороны, зная вашу раздражительную обидчивость... Вы мне скажете: "Но почему у меня есть враги, я не сделал никому дурного?" Вы должны иметь врагов при нашем дворе, также как вы имели бы их при лю-

стр. 68

бом в мире дворе, куда бы вы не поехали. Человек талантливый, искренний и бескорыстный является наказанием, которое ни при одном дворе придворные, хвастуны и интриганы не могут и никогда не должны переносить... Вот, что с вами случается, мой добрый друг, ... вашей отставкой вы лишите Императора честного человека, который никогда его не обманывал и который всегда служил ему с усердием, не имея никакой личной заинтересованности"⁴⁹.

Сходную трактовку факторов, осложнявших положение адмирала в высших кругах российского общества, дает историк В. В. Аверьянов. По его мнению, "немаловажное значение в тогдашней политической борьбе имело для Павла Васильевича наличие двух придворных партий - одна западного толка (например, граф Н.П. Румянцев, министр иностранных дел, М.Б. Барклай де Толли, военный министр, и др.), вторая - русская партия (ведущим в коей был граф А.А. Аракчеев). Чичагов не примыкал ни к той, ни к другой; вел свою собственную политику, состоявшую в верном служении Государю и Отечеству, даже, пожалуй, больше последнему. Не имея своей собственной политической команды, способной обеспечить ему лидерство, понимая политику как искреннее, чистосердечное служение Родине и закону, Чичагов был подвергнут клеветническим нападкам со стороны обеих партий. Его влияние на Государя вызывало естественную зависть. Нельзя исключить, что назначение Павла Васильевича Чичагова, военного моряка, а отнюдь не сухопутного начальника, командующим Дунайской армией было лишь продиктовано Государем, а вызвано влиянием придворных партий, возможно даже связанных с некоторыми зарубежными кругами. Поскольку сие решение осуществлялось в год Отечественной войны, во время борьбы с Бонапартом, Чичагов не считал возможным отказаться от подобного назначения, хотя оно явно выходило за рамки его профессиональных навыков и приобретенных знаний..."⁵⁰.

В 1814 г. Чичагов уехал в Англию, где в семье его родственницы по линии жены воспитывались три его осиротевшие дочери - Адель, Юлия и Екатерина⁵¹. Испросив у императора бессрочный отпуск для лечения, он остался на жительство за границей и больше в Россию не возвращался.

Уезжая из России, Павел Васильевич увез также прах своей жены Елизаветы, который он захоронил в английском городке Беддингтон рядом с сельским храмом,

где в 1799 г. состоялась церемония его бракосочетания с Елизаветой. Он жил одно время в Англии, купил дом в курортном городке Брайтоне. Затем переехал во Францию, жил то в Бельгии, то в Италии, то в Швейцарии, то снова вернулся во Францию. Метаниями по странам Европы после отъезда из России Павел Васильевич, видимо, стремился заглушить тоску по покинутой Родине. Наконец, он решил обосноваться во Франции, в парижском предместье Со, купив в 1822 г. особняк, который и поныне хорошо известен местным жителям, как "Дом адмирала".

Предметом особой заботы Павла Васильевича были его дочери, которым нужно было дать должное воспитание и образование, подготовить к самостоятельной жизни. Если Юлия и Екатерина оставались в Англии до окончания школы в семье английского контр-адмирала Каннингэма, шурина Павла Васильевича, то старшую дочь Адель он взял с собой в Париж и стал знакомить с жизнью парижского бомонда. Позднее и Юлия, и Екатерина перебрались к отцу в Париж. В письме графу С. Р. Воронцову от 22 мая 1825 г. Павел Васильевич со всей присущей ему строгостью и нескрываемой ревностью пишет о своих дочерях: "...мои две дочери Адель и Юлия замужем за французами в самом настоящем смысле. Старшая, упрямая и ослепленная в момент замужества, уже рассталась с мужем и я не знаю, где она. Вторая, хорошая и мягкая жертва, оказалась в руках, достойных самого большого презрения, невежественного бахвала без воспитания, лживого, жадного и коварного и проч. Однако, она все время говорит мне, что к ней он добр и нежен: это потому, что он ждет еще чего-нибудь после моей смерти. И только моя третья дочь (Екатерина) являет собой пример мягкости и послушания. Добросовестно относящаяся к своим обязанностям, даже к самым ма-

стр. 69

лым, она разносторонне талантлива. Она знает все, что девица в ее возрасте может знать относительно основ языка и литературы. Она весьма хорошая музыкантша, не любя музыку, и имеет большие склонности к живописи, которой она охотно занимается. Никогда она мне не причиняла ни малейшего огорчения и всегда была моим утешением. Моей самой большой заботой будет, чтобы она не попала в когти какого-нибудь тигра-обезьяны. Вот перспектива, ожидающая меня в старости"⁵². К сожалению, семейная жизнь у Екатерины не сложилась. Она дважды была замужем, но детей не было. Поэтому делом ее жизни стала забота об отце.

Павел Васильевич не чувствовал себя затворником. Кроме дочерей и внуков, которыми его одарила дочь Юлия, его дом посещали друзья, выходцы из России, в частности, граф Растопчин. С ним жил и его брат Василий, умерший в Со в 1826 году. Павел Васильевич купил участок на кладбище в Со, где и похоронил своего брата, которого он очень любил, завещав похоронить себя рядом с ним. В 1827 г. пришло известие о кончине в Петербурге брата Петра. Таким образом, из сыновей Василия Яковлевича Чичагова в живых остался один Павел Васильевич.

С 1816 г. П.В. Чичагов писал свои "Записки" (Дневники), которые охватили период с 1726 г. по 1834 год. Он жил на свою пенсию и жалование члена Государственного Совета, в составе которого он числился до 1834 года. В 1825 г. Павел Васильевич в связи со вступлением на престол нового государя Николая 1 письменно поздравил

его по этому случаю и одновременно поинтересовался, не изменится ли что-либо в его положении как члена Государственного Совета. Николай I ответил, что воля покойного брата для него закон и будет неизменно соблюдаться в отношении адмирала. Но в действительности это было не так. Опала над ним императора Николая сгущалась с каждым годом. Царь как бы искал повод, чтобы ущемить положение адмирала. Этим поводом послужил изданный в 1834 г. царский указ, обязавший всех русских подданных, проживавших за границей, вернуться в Россию. Считавший свое положение решенным раз и навсегда, Чичагов не спешил с выполнением требований высочайшего указа. В результате он оказался едва ли не единственным, к кому были применены обещанные в указе санкции. Чичагов был лишен немногих своих имений и орденских пенсий, а также льгот, связанных с членством Государственного Совета, которое прекращалось. Гордость старого и большого адмирала была глубоко задета. Объявив недействительной свою присягу Николаю I, он отправил в Россию императору все свои ордена и переписку с Александром I.

Павел Васильевич и его дочь Екатерина Павловна приняли английское подданство. В 1842 г. он продал свой особняк в Со и до конца дней жил у дочери Екатерины Павловны в Париже. Печальна была старость рано ослепшего Павла Васильевича. Будучи глубоко верующим человеком, он как истинный христианин незадолго до своей кончины простил всех своих врагов. Он хотел сжечь рукопись своих "Записок" (Дневников). Но Екатерина Павловна уговорила отца не делать этого. Адмирал оставил ей весь свой архив с условием не передавать его кому-либо. Он умер 20 августа 1849 г, в возрасте 82 лет и был похоронен на кладбище в парижском пригороде Со.

После смерти Павла Васильевича Чичагова остались его "Записки", содержание которых раскрывало истинную подоплеку событий, вынудивших его покинуть навсегда Россию, истинным патриотом которой он являлся. Как свидетельствовали люди, знакомые с этими дневниками, в них много ценного исторического материала об эпохах царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, метких характеристик главнейших государственных деятелей и множество подробностей, основанных на неизвестных дотоле документах и письмах. Дочь адмирала Екатерина Павловна понимала, какое важное значение для восстановления доброго имени ее отца имеет публикация его дневников. Она стала готовить их к изданию. Помочь ей в этом вызвался ее кузен Шарль дю-Бюзэ, двоюродный брат ее мужа, адмирала Юджина дю-Бюзэ. Но он преследовал свои собственные, корыстные цели. В те годы, ког-

стр. 70

да назревал разразившийся в 1853-1856 гг. вооруженный конфликт Англии и Франции с Россией (Крымская война), противники России делали все возможное, чтобы представить ее в образе врага, вероломного и коварного. Кузен Екатерины Павловны решил на этом деле заработать. И тенденциозно подобрав отдельные фрагменты из дневников, опубликовал эту подборку в Париже под видом "подлинного дневника" адмирала Чичагова.

Потребовалось срочное вмешательство Екатерины Павловны, чтобы изъять эту

публикацию из оборота и защитить честь ее отца. Она обратилась в парижский суд и выиграла дело. Но довести до конца публикацию дневника в полном объеме ей не позволило здоровье. Помог счастливый случай. В 1881 г. в Париже находился в служебной командировке молодой офицер -артиллерист Леонид Михайлович Чичагов, который навестил парализованную родственницу. Екатерина Павловна " передала ему дневники и взяла с Л.М. Чичагова обещание опубликовать их полностью. Леонид Михайлович лично отредактировал переданную ему рукопись и организовал ее публикацию в России в журнале "Русская Старина". "Записки Адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал" вышли в свет, к сожалению, частично.

В наши дни попытку полной публикации "Дневников" адмирала предприняла внучка Л.М. Чичагова игуменья Серафима, настоятельница Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря (в миру Варвара Васильевна Черная). В свет вышел первый том "Записок" адмирала П.В. Чичагова, охватывающий период с 1726 по 1801 год.

Примечания

1. ЧИЧАГОВ Л.В. Записки. Российский фонд культуры. Российский Архив. М. 2002, с 7.
2. Там же, с. 38, 92, 37.
3. Архив адмирала П.В. Чичагова. Выпуск первый. СПб. 1885, с.8.
4. Там же, с. 9.
5. Там же, с. 8-9.
6. ЧИЧАГОВ П.В. Записки, с.546-547.
7. Корабль "Ретвизан", которым с начала навигации 1794 г. командовал П.В. Чичагов, был военным трофеем, захваченным у шведов. Это был по тем временам корабль новейшей конструкции, построенный известным шведским кораблестроителем Чапманом, обладал превосходными мореходными качествами и огневой мощностью своих батарей, позволявших вступать в единоборство с сильнейшими 74- пушечными кораблями того времени.
8. Архив адмирала П.В. Чичагова, с. 12.
9. В 2000 г. в Лондоне вышла в свет монография: Дочь высокопоставленного чиновника. История Елизаветы Проби и Адмирала Чичагова (The Commissioner's Daughter. The Story of Elizabeth Proby and Admiral Chichagov). Автор этой книги Джоанна Вудс, супруга новозеландского дипломата, работавшего одно время в Москве, и издатель книги Саймон Хейвиленд являются потомками старинного английского рода Проби.

10. Архив адмирала П.В. Чичагова, с. 13.
11. Там же, с. 16
12. Русская Старина, т. XXXVIII, СПб. 1883, июнь, с. 500.
13. Там же, с. 493-494.
14. Архив адмирала П.В. Чичагова, с. 20.
15. Там же, с. 7.
16. Там же, с.27.
17. Русская Старина, т. VII. СПб. 1873, январь, с. 44-45.
18. Письмо П.В. Чичагова графу С.Р. Воронцову от 15 сентября 1813 г. (архив автора, копия).
19. Архив адмирала П.В. Чичагова, с. 15-16; цит. по изданию Великороссы. Приложение к альманаху Секрет. М. 1992, с.8.
20. Архив адмирала П.В. Чичагова, с.29.
21. Елизавета Карловна Чичагова скончалась в Париже 18 апреля 1811 года. Забальзамированное тело своей жены адмирал перевез в Петербург и похоронил его в мавзолее на Смоленском лютеранском кладбище. На фронте мавзолея высечено в одну строку "На сем месте 24 июля 1811 г. навеки я схоронил мое блаженство. П. Чичагов". За два года до кончины Елизаветы Карловны она была награждена дамским Крестом Ордена Св. Великомученицы

стр. 71

Екатерины. Вся ее жизнь с Павлом Васильевичем была поистине подвигом любящей жены, добродетельной матери и верного друга, готового разделить с ним любые невзгоды, вплоть до самопожертвования ради любимого человека и ее новой Родины России.

22. Из письма графа С.Р. Воронцова адмиралу П.В. Чичагову от 3 марта 1813 года (архив автора, копия); Архив адмирала П.В. Чичагова, с. 30.

23. Рескрипт Императора Александра Первого Адмиралу П.В. Чичагову от 9 апреля 1812 года (архив автора, копия).

24. Цит. по *Histoire de Consulat et de l'Empire*. Vol. III, p. 492.
25. Русский архив. 1870, N 9. с. 15-16.
26. Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война. Описание войны 1812-1815 гг. СПб. 1899, с. 107.
27. Русский архив, 1870, N 9, с.35.
28. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 192.
29. Русский архив. 1870, N 9, с.41.
30. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с.288-290.
31. Отечественная война 1812 г. В рассказе генерала Чаплина. Русская Старина, т. 1. СПб. 1886, июнь, с. 499-500.
32. Русский архив. 1870, N 9, с. 56-57.
33. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Ук. соч., с.450, 451.
34. Там же. с. 464.
35. Цит. по книге Joanna Woods. *The Commissioners daughter. The Story of Elizabeth Proby and Admiral Chichagov*. The Stonesfield Press. Peakes House. Stonesfield. Guildford. U.K. 2000. pp. 216-217.
36. СКРИЦКИЙ Н.В. Самые знаменитые флотоводцы России. М. 2000, с. 24.
37. Сборник Русского Исторического Общества. Т. VI. СПб. 1871, с. 56-57.
38. Русский архив, 1869, N 7, 8, с. 56-57; 61-62.
39. Русская Старина, т. I. СПб. 1886, июнь, с. 490.
40. АБРАМЯН А.А. Чичаговы. (На правах рукописи). М. 1999, с. 20-21.
41. Русский архив, 1869, N 7, 8, с.59.
42. Русская Старина, т. 1. СПб. 1886, июнь, с. 491.
43. Там же. с. 490, 491, 516, 492.
44. Из письма адмирала П.В. Чичагова графу С.Р. Воронцову от 15 сентября 1813 г.

(архив автора, копия).

45. Из письма адмирала П. В. Чичагова графу С. Р. Воронцову от 25 мая 1813 г. (архив автора, копия).

46. Из письма адмирала П.В. Чичагова графу С.Р. Воронцову от 15 сентября 1813 г. (архив автора, копия).

47. Из письма графа С.Р. Воронцова адмиралу П.В. Чичагову от 1 августа 1813 г. (архив автора, копия).

48. Медведь, 1996, N 3, с. 89.

49. Из письма адмирала П. В. Чичагова графу С. Р. Воронцову от 3 марта 1813 г. (архив автора, копия).

50. АВЕРЬЯНОВ В.В. Вариант Предисловия к публикации Записок адмирала П.В. Чичагова.

51. Речь идет о семье Беатрисы Каннингэм, родной сестры Елизаветы Карловны Чичаговой.

52. Из письма адмирала П.В. Чичагова графу С.Р. Воронцову от 22 мая 1825 г. (архив автора, копия).

53. Екатерина Павловна Чичагова или, как ее знали ее современники, графиня Катерина дю-Бузэ скончалась в Париже 11 сентября 1882 года в возрасте 75 лет и похоронена в семейной усыпальнице рядом с могилами ее отца адмирала П.В. Чичагова и дяди генерала В.В. Чичагова на кладбище в парижском предместье Со.